

Глава 15

Буддийские песнопения и звуки убийства

Следующая встреча произошла через десять дней.

Дань Фэн был упрям по натуре. Не поймав хранителя алтаря, он десять дней не спал, обшаривая все дома в округе, и в конце концов добрался до храма Сянцзи.

Древний храм шести династий Срединных земель, о котором даже он слышал, тоже спал под толщей льда.

В ту ночь лунный свет был ледяным, а ворота храма — распахнуты.

Когда снежная пыль осела, Дань Фэн вытащил клинок из ледяного трупа послушника и повернул запястье.

Ледяные трупы были всего лишь мертвецами, но исходящий от них холод был невероятно сильным. После нескольких дней непрерывных боёв клинок Фэнъе покрылся ледяными узорами и стал не таким удобным.

Он провёл пальцем по лезвию, чувствуя раздражение.

Этот клинок был выкован в его даньтяне. Когда-то он плавил металл, и его огонь освещал ночное небо. На рукояти были намотаны толстые цепи из чёрного золота, чтобы сдерживать кармическое пламя. Казалось, он был рождён для того, чтобы уничтожать демонов, и он сам так думал.

Если бы только его истинный огонь не погас... эти ледяные трупы в мгновение ока превратились бы в пепел!

Почему?

Он в одиночку ворвался на озеро Белой Пагоды, сражаясь на грани жизни и смерти, отчасти ради клана, отчасти из-за неутолимой обиды в сердце, желая что-то доказать.

Тот канонический огонь красного лотоса, который с самого рождения горел в его даньтяне, был источником его нрава, он выковал из него того, кем он был сегодня. Как он мог просто так погаснуть?

Столько попыток разжечь его снова потерпели неудачу, словно... на его сердце лежал тяжёлый

камень, и он больше не мог гореть так же яростно, как прежде.

Дань Фэн ногой распахнул ворота Зала Небесных Царей.

Четыре огромные чёрные тени одновременно бросились на него. У царя, охраняющего восток, была сломана пипа, у царя, охраняющего юг, — пробита грудь, у царя, охраняющего запад, — облезла краска, а у царя, охраняющего север, — сломан зонт. В груди каждого из них сидел сине-чёрный труп монаха.

Это... монахи, которые реставрировали статуи?

Трупы монахов контролировались тайной техникой. Стоило им открыть рты и выдохнуть холод, как статуи делали шаг вперёд, сотрясая землю.

Даже Дань Фэн, повидавший многое, был потрясён. Статуи высотой в чжан были наполнены холодом ледяных трупов, как огромные сосуды с водой. Стоило пробить в них хоть небольшую дыру, как его с ног до головы окатило бы холодом, и он превратился бы в ещё один ледяной труп.

Такое грандиозное представление, так тщательно подготовленное, — это наверняка дело рук хранителя алтаря Сюэлянь.

Дань Фэн протёр онемевшее лицо и бросил клинок Фэнъе на лёд у ворот храма.

Брошенный в бою клинок протяжно зазвенел.

— Любимый клинок, не лезь на рожон, — сказал Дань Фэн, доставая пару перчаток из чёрного железа. Он разжал пальцы, и бесчисленные кольца с молниеносной скоростью соединились.

В зале метались чёрные тени, восемь рук Небесных Царей двигались, как железный занавес, преграждая путь. Дань Фэн проскользнул между их ног, и огромная, как мельничный жёрнов, железная пипа обрушилась ему на голову!

Он успел уклониться, но пипа тоже была обманным манёвром. Она разбила несколько сапог, и из-под них вырвался мощный поток холода. Алтари и столы в зале тут же покрылись сосульками.

Какая подлая уловка, нет, так не пойдёт, некуда даже ступить...

Дань Фэн вскочил на шарф царя, охраняющего север, подпрыгнул на несколько шагов и, нанеся два удара кулаками с силой грома, пробил голову царя, охраняющего запад, и крепко схватил ледяной труп.

— Одолжу твоё тело!

Он резко повернулся и, выбив ногой угол крыши, с невероятной силой, присущей только ему, заставил весь зал содрогнуться. Черепица посыпалась дождём. Он повис на балке, и его поясница снова взорвалась ужасающей силой. Он поднял царя, охраняющего запад, на дюйм от земли и начал им размахивать.

Бум! — столы и алтари перевернулись!

Грохот! — двери и окна разлетелись вдребезги!

Камни и земля разлетались, холод бушевал. Большинство Небесных Царей были разбиты, и холод, вырвавшийся из их проломов, заморозил их вместе, и они с грохотом рухнули на землю.

Дань Фэн по-прежнему висел на балке, неподвижный, как скала, мысленно отсчитывая время, пока холод рассеется.

Последняя секунда.

Железные пальцы вырвались из головы Небесного Царя, и он, не церемонясь, разбил её ударом локтя. Дань Фэн спрыгнул и, приземлившись, услышал под ногами хруст, словно он что-то раздавил. Холод поднялся от его ног и заморозил их намертво.

Попался?

Дань Фэн опустил голову, и его глаза на мгновение расширились.

Ему не повезло. Две отрубленные ноги царя, охраняющего восток, лежали как раз здесь, и в них прятались два ледяных трупа послушников. Он раздавил их своим приземлением.

Ну вот, теперь в сапогах.

Да ещё и размером с алтарь...

Дань Фэн попытался поднять ноги. Они были словно залиты в железные формы. Каждый шаг сопровождался оглушительным грохотом, что было довольно забавно.

Именно в этот момент снаружи раздались буддийские песнопения, и со всех сторон к Залу Небесных Царей начали сбегаться шаги.

— Не может быть... — пробормотал Дань Фэн и, подняв голову, посмотрел на задний зал.

Чёрная толпа монахов-trupов хлынула к воротам, каждый с оружием в руках. Их было не меньше нескольких сотен. Это была служба в главном зале? Почему они все прибежали сюда?

Дань Фэн был бы сумасшедшим, если бы стал с ними драться в лоб, но в таких неудобных сапогах уклониться было нелегко. Он тут же прижался спиной к стене, чтобы избежать окружения.

Едва его спина коснулась каменной стены, как его кто-то легонько толкнул.

Кто?

Он резко обернулся. Луна освещала разбитое окно. Настенная роспись с изображением Небесных Царей, защищающих мир, очистилась от пыли, и холодные красные и тёмно-зелёные цвета стали яркими, как будто их только что омыли водой. Знакомая тень появилась на стене, прижавшись к его спине.

— Тень? — увидев её, Дань Фэн необъяснимо обрадовался. — Я тебя придавил?

На этот раз тень толкнула его сильнее, но Дань Фэн лишь слегка пошатнулся.

Не сдвинулся.

— Я в сапогах, — рассмеялся Дань Фэн.

— Сам напросился, — сказала тень.

Тем временем несколько первых монахов-trupов ворвались в зал. Дань Фэн повернул запястье, собираясь повторить свой трюк и схватить один из trupов в качестве оружия, но тут рядом с ним раздался грохот. Железная пипа упала на пол и дважды звякнула.

— Эта штука тяжёлая, помочь поддержать? — сказал Дань Фэн.

На каменной стене тень перевернула тень пипы и, положив её на колени, как цитру, провела по ней пальцами.

Дзынь-дзынь!

Дань Фэн не удержался и прижал уши.

Тень играла на пипе, и звуки были похожи на лязг оружия. Её пальцы пронесли по струнам, и одна из них лопнула, её тень выстрелила вперёд.

Несколько монахов-трупов, подбежавших близко, были словно срезаны невидимым лезвием, и на их шеях одновременно появились трещины.

— Хорошо играешь, но силы маловато! — крикнул Дань Фэн. — Тень, тебе бы лучше заняться методом нанесения вреда звуком...

— Хорошо, что ты глухой, — сказала тень.

Дань Фэн, сдерживая смех, успевал ещё и разглядывать её пальцы. Это были самые подходящие для игры на цитре руки, которые он когда-либо видел: длинные, тонкие, изящные. Такие руки бодхисаттвы, но они издавали звуки убийства.

Один щипок, один подъём, один удар, один взмах.

Пять пальцев двигались как ножи, четыре струны лопнули одновременно, и на каменной стене замелькали тени струн!

Дань Фэн тут же присел. В то же мгновение на груди и животе монахов-трупов появились глубокие, до костей, раны.

— Ты привёл их сюда, чтобы потренироваться? Струны пипы острые, но им не хватает мощи, — сказал Дань Фэн. — Этого недостаточно, чтобы справиться с ледяными трупами, их нужно раздробить.

Его праздное любопытство на этом закончилось. Удар тени не нанёс серьёзного вреда монахам, и задний зал тут же был прорван. Десятки ледяных трупов хлынули внутрь и в мгновение ока оказались перед ним.

Дань Фэн посмотрел на свои сапоги, затем на тень на стене, и его улыбка застыла.

Последствия были очевидны.

Эта разъярённая толпа монахов-трупов, естественно, шла за ним.

Подставить, навлечь на себя беду... нет, этот беспорядок — не совсем его вина.

Тень прижала пальцы к струнам:

— Ждёшь смерти?

Дань Фэн схватил несколько монахов-трупов и бросил их в задний зал.

Тень, словно прочитав его мысли, провела по струнам, и тени струн перерубили монахам колени. Они с грохотом заблокировали дверной проём.

— Умница, тень!

Дань Фэн наклонился, схватил ледяной труп за шею и, с хрустом свернув ему шею, вонзил пальцы в позвоночник и крепко сжал его.

Вполне удобно.

Он использовал ледяной труп как длинный клинок, рубя и отбиваясь, оттеснил толпу в задний зал и, хромая, пошёл к выходу. Звук его шагов, очевидно, раздражал тень, и она ткнула его пальцем в спину.

— Не торопись меня выгонять, я же лучше этих ледяных трупов, правда? — сказал Дань Фэн.

— Не факт, — сказала тень.

— Скоро, скоро, до встречи... плохо!

Не успел он договорить, как резко поднял голову, заметив мгновенное изменение света.

Вся крыша зала была заслонена.

Огромный Майтрея лежал на крыше храма и улыбался ему. Его пухлые щёки, словно вылепленные из белого нефрита горы плоти, медленно двигались, и между бровей показался белый волосок, из которого вырывался белый свет и клубы холодного дыма.

Дань Фэн сразу понял, что это было сердце алтаря! Стоило его разбить, и последний алтарь будет уничтожен.

В нём проснулся боевой дух. Он выбил ногой каменную стену, и глиняные сапоги на его ногах разлетелись вдребезги. Но тут он столкнулся с двумя огромными, как горы, босыми ногами Майтреи, покрытыми белым жиром. Его отбросило мощным ударом, и он полетел назад.

Жир на ногах Майтреи лишь слегка дрогнул.

Снаружи шёл сильный снег, который падал на него. В мгновение ока Майтрея вырос в размерах, обхватив весь Зал Небесных Царей, и груды белого мяса, словно растопленный воск, затекли в каждую щель.

Зал тут же погрузился во тьму.

— Что это за чертовщина? — вырвалось у Дань Фэна.

В мире существовали такие твари, которые после его удара в полную силу оставались невредимыми.

— Король-мудрец Сюэлянь, Майтрея Накопленного Снега, — тихо сказала тень. — Он растёт от снега.

Король-мудрец? Выше хранителей алтаря Сюэлянь были только короли-мудрецы. В основном это были перевоплощённые демоны и призраки, невероятно сильные. Даже Дань Фэн встречался с ними всего несколько раз.

— Теперь у нас проблемы, он хочет нас запереть, — сказал Дань Фэн. — Хорошая новость в том, что, хоть у него и толстая шкура, похоже, он не очень силён в атаке. У нас есть время.

Тем временем тень прижала пальцы к струнам и с силой провела по ним. На животе Майтреи пробежала волна, но не осталось даже царапины.

Тень схватилась за струны пипы.

Бам!

— Эй, не ломай пипу! — крикнул Дань Фэн. — Дело не в тебе, эта пипа — обычная вещь, она может справиться с несколькими ледяными трупами, но если так и дальше пойдёт, твои струны лопнут первыми.

— Слишком медленно, — тихо сказала тень.

Её голос был спокоен, но она наклонилась, обхватив пипу, и её рукава соскользнули до локтей. Она ударила по струнам, и в звуке послышались гром и молния.

В зале бушевала аура убийства, и тени струн разрывали на части деревянные балки на потолке.

— Мимо! — крикнул Дань Фэн.

Свист!

— Слишком медленно!

Бам!

— На этот раз точно, но слишком торопливо.

— Просто щипать струны бесполезно, может быть, если ударить по всем сразу, что-то и получится, а сейчас это как чесать ему пятки.

Хоть он и говорил неприятные вещи, но это была правда. Сколько бы тени струн ни металась, живот Майтреи оставался таким же белым и гладким. Но тень не обращала на это внимания, она лишь сидела в смертоносной тишине и перебирала струны.

Большой палец — щипок.

Указательный палец — удар.

Средний палец — подцеп.

Майтрея Накопленного Снега продолжал расти, и в зале становилось всё темнее. Тень, предчувствуя что-то, играла всё яростнее.

Удар за ударом, ножи и копья ломались, нефрит и камень обращались в пыль. До самой смерти, как железо, не отступать, пока не треснут небеса! Дань Фэн сначала восхищался её решимостью, но чем дольше он слушал, тем больше беспокоился. С таким упрямым и фанатичным настроем она скорее уничтожит себя, чем врага.

Откуда в её сердце этот ужасный ядовитый огонь?

— Неправильно, твоя жажда убийства направлена внутрь, а не в струны!

— Заткнись, — раздражённо сказала тень. — Нагнись!

Ш-ш-ш...

Зал Небесных Царей был окутан тремя слоями снаружи и тремя изнутри, и весь свет был поглощён.

Раздался звук струн, но не было ожидаемого грохота, а вместо этого — запах крови.

Кап...

На пол капала вязкая жидкость.

Дань Фэн, стоя на одном колене, обернулся и в крошечной тьме точно определил, где находится тень.

— Ты ранена?

Его пальцы замерли. Он коснулся не призрачной тени, а холодной, гладкой кожи!

— Ты...

Пальцы тени дрогнули. Она тоже не могла поверить:

— Как ты можешь меня касаться?

Глаза Дань Фэна сузились, и в них промелькнул хищный, жестокий блеск. Он усилил хватку.

Она не вырывалась.

Вернее, в этой темноте тень полностью потеряла способность вырваться из его рук.

— Ты не знала о слабости своей техники? — понизив голос, спросил Дань Фэн. — Мы заперты вместе, что теперь? Показала своё истинное лицо?

Несмотря на опасность, он почувствовал странное удовольствие. Он схватил руку тени, быстро остановил кровь и, понюхав её, пригрозил:

— Пахнет вкусно. Я голоден, я могу съесть человека.

Тело Дракона-факела незаметно изменилось. Он помнил, что тени не нравилось, когда её обнимают, поэтому он выпустил свой стальной, как кнут, хвост и, качнув им в темноте, преградил ей путь к отступлению.

И действительно, тень ударила его пипой по лицу, отскочила, но упёрлась в его хвост.

Хвост легонько постучал два раза. Дань Фэн, на удивление, говорил медленно и рассудительно:

— Будь паинькой. Нас только двое, скоро будет серьёзная битва, я не хочу получить удар в спину. Давай будем честны друг с другом? Обитель Сихэ, Дань Фэн. А ты?

Тень молчала, но сильно дрожала, её дыхание было таким частым, что, казалось, вот-вот разорвёт грудь. Помолчав, она вдруг бросилась на Дань Фэна!

Дань Фэн действовал из злых побуждений и не был готов к такому. Его накрыло волной её волос, холодных, как ледяная вода, которые поползли ему на шею. Под шелест одежды кожа Дань Фэна покрылась мурашками, и он инстинктивно поднял руки, чтобы обнять её.

— Почему у тебя такие длинные волосы? — сказал Дань Фэн. — Не заплетаешь?

Тень на мгновение прижалась к его груди. Даже сквозь одежду он чувствовал, как дрожат её щёки. Струна в его сердце натянулась, и в горле стало больно, но он не мог вымолвить ни слова.

Что таилось в её молчании — ненависть, тоска или печаль?

Как такое могло быть? Они только что встретились, но чувствовали друг друга так, словно знали целую вечность.

Совесть Дань Фэна слегка зашевелилась, и он понял, что его недавнее поведение было скотским.

— Ты боишься темноты?

В следующую секунду на его шее вспыхнула острая боль. Тень двумя руками натянула струну пипы и с силой затянула её! Она, очевидно, хорошо знала уязвимые места, и этот удар был невероятно коварным и жестоким. Если бы он не был мастером боевых искусств, его горло было бы перерезано в мгновение ока.

Струна пипы была слишком тонкой и прочной, и тени тоже было нелегко. Кровь потекла по её рукам до самых локтей.

Дань Фэн, не говоря ни слова, зацепил струну и легонько дёрнул её.

— Ты... это... скотина!

Тень, произнося по слогам, ударила его ногой в грудь и, воспользовавшись моментом, исчезла в темноте.

— Я где-то тебя видел? — сказал Дань Фэн.

Через мгновение тень холодно ответила:

— Во сне.

Её голос доносился уже издалека.

Дань Фэн не ожидал, что, будучи ослабленной, она осмелится убежать. Он последовал за ней, ища под рукой что-нибудь подходящее.

— Что ты нашла? — сказал Дань Фэн. — Здесь нечисто, не наступи на ледяной труп.

— Не двигайся! — крикнула тень. — Здесь стела.

Послышался тихий шорох пальцев. Было так темно, что тень могла лишь ощупывать иероглифы.

— В год великой засухи с небес дождём пали три жертвы... это стела, посвящённая засухе.

Она умела читать пальцами? Неужели она долгое время жила в темноте?

Дань Фэн, боясь помешать ей, затаил дыхание, но стоило ему замолчать, как и тень остановилась и невольно обернулась.

Дань Фэн нащупал на ближайшем алтаре свиток, вырвал из него несколько страниц и начал быстро их складывать.

— Что ты опять делаешь? — спросила тень.

— Раз уж ты боишься темноты, а нам отсюда пока не выбраться, я подарю тебе фонарь, — сказал Дань Фэн.

Он сжал пальцы, и бумажный фонарь в форме лотоса полетел в сторону тени.

— Потом соскребём немного жира с того толстого монстра, сделаем фитиль. Чтобы ты больше не превращалась в тень. Яркий, негасимый... как тебе?

Фонарь должен был мягко опуститься на волосы тени, но она перехватила его, сжала в комок с такой силой, что её безмолвная ярость стала почти осязаемой, и с грохотом швырнула на пол.

— Ещё одно слово, и я отрежу тебе язык! — сказала тень.

<http://bllate.org/book/16978/1583538>